

И. В. Кисличенко

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Тема российско-японских отношений, их сложного развития на протяжении почти трёх столетий, вызывает сейчас большую заинтересованность у многих на территории нашей страны и за её пределами. Это не случайно, так как тема Курильских островов и их исторической принадлежности часто поднимается в средствах массовой информации. Хотелось бы в данной публикации коснуться нескольких, крайне интересных фактов из истории налаживания контактов между двумя соседями: Россией и Японией. Тем более что Камчатка непосредственно связана с этими событиями.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Курильские острова, экспансия на восток, экспедиции, кругосветные плавания.

I. V. Kislichenko

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS: FACTS, EVENTS, PEOPLE

The topic of Russian-Japanese relations, their complex development over almost three centuries, is now of great interest in our country and beyond. This is not accidental since the topic of the Kuril Islands and their historical affiliation is often raised in the media. The publication contains some interesting facts from the history of establishing contacts between two neighbors: Russia and Japan. Particularly Kamchatka is directly connected with these events.

Keywords: Russian-Japanese relations, the Kuril Islands, expansion to the East, expeditions, circumnavigation.

Непосредственному знакомству представителей двух соседних народов вначале способствовала сама природа, и произошло это знакомство на Камчатке. С давних времен штормы и тайфуны, нередкие в Восточном океане, причиняли бедствие небольшим японским судам, которые неоднократно терпели крушение у Курильских и Алеутских островов и берегов Камчатки. Во время похода казачьего пятидесятника В. В. Атласова на Камчатку в 1697–1699 гг. он обнаружил у ительменов на р. Иче японца Дэнбэя, судно которого было разбито штормом у южного побережья полуострова. Так состоялось первое личное знакомство русского казака с жителем Японии. В 1699 г. Атласов отправился с ним в Якутск, а затем японец был доставлен в Москву. 8 января 1702 г. (все даты указаны по старому стилю) в с. Преображенском с ним беседовал царь Петр I. Дэнбэя обещали отпустить на родину, когда он выучит русский язык и обучит японскому языку нескольких русских [10].

Рассказы Дэнбэя о своей родине стали первым в России японским источником информации об этой стране, но где она находится, русские еще не знали. В то же время выход русских землепроходцев и мореходов к Охотскому морю, а позднее и Тихому океану, усиливал интерес к Японии и стремление к установлению с ней тор-

говых отношений. Местные сибирские власти, Сибирский приказ, а затем и правительственные экспедиции, организованные по приказу Петра I, предпринимали различные попытки разведать путь в Японию. Большую лепту в поиске и описании «Апонского государства» внес И. Козыревский. К концу царствования Петра I путь в Японию со стороны России открыт еще не был, японские же суда продолжали терпеть кораблекрушения, и нередко их экипажи оказывались на Камчатке. Многие японцы оставались жить в России, принимали православие, получали русские имена и фамилии, некоторые из них становились переводчиками или учителями японского языка, но их русская жизнь, как правило, начиналась на Камчатке.

В начале декабря 1730 г. в «Предложении», поданном в Сенат, В. Беринг высказал две очень важные мысли: первая – о продолжении поисков Японии, вторая – об установлении с ней контактов посредством возвращения на родину японцев, потерпевших кораблекрушение, на русских судах. Вторая мысль упорно использовалась Россией более 100 лет.

Северный путь в Японию в 1739 г. проложил отряд судов Второй Камчатской экспедиции под командованием М. П. Шпанберга, найдя путь без помощи японцев. Результаты плавания име-

ли мировое значение. Участники экспедиции открыли северный путь в Японию и нанесли его на карту, впервые прошли всю Курильскую гряду с восточной стороны, побывали на северо-восточном побережье островов Хоккайдо и Хонсю, где до этого не ступала нога европейца, составили описание и карту [там же].

Впоследствии идея возвращения на родину потерпевших кораблекрушение жителей Страны восходящего солнца на русских судах была впервые осуществлена только в 1793 г. экспедицией Адама Лаксмана, возвратившего на родину ещё одного японца – Дайкокуя Кодаю, с корабля, потерпевшего крушение у острова Амчитка (Алеутские острова) и привезённого в Петербург в 1791 г. Грамота, полученная Лаксманом от японских властей, стала, по существу, отправной точкой для начала отношений между Россией и Японией. Хотя ни эта экспедиция, ни миссия Н. П. Резанова в рамках проведения первой российской кругосветной экспедиции, на которой мне хотелось бы остановиться более подробно, не принесли желаемых результатов.

В эпоху Эдо (1603–1867) в Японии началась политика изоляции страны от внешнего мира, продолжавшаяся 260 лет. С 1641 г. только голландцам и китайцам было разрешено торговать в порту Нагасаки, который находился под непосредственным контролем *бакуфу* – центрального правительства. В конце XVIII в. Россия столкнулась с проблемой снабжения населения русских тихоокеанских владений продовольствием и различными товарами, доставка которых из европейской части России кругосветным морским путем или через Сибирь требовала много времени и больших расходов. И в 1792 г. в Японию было отправлено первое русское посольство во главе с Адамом Лаксманом, главной задачей которого было добиться открытия одного из портов для торговли с Россией. Лаксману удалось установить хорошие отношения с княжеством Мацумаэ и при его посредничестве получить от японских властей разрешение на заход русского судна в Нагасаки [9]. Русское правительство сразу не воспользовалось разрешением, полученным Лаксманом, и не продолжило переговоры. Внимание России в то время было занято европейскими делами – организацией коалиции против революционной Франции и разделом Польши в 1795 г.

Длительная ведомственная переписка и смерть в ноябре 1796 г. Екатерины II помешали организации второго русского посольства в Японию, подготовка которого впоследствии

непосредственно связана с проведением Первого русского кругосветного плавания, предпринятого в 1803–1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского [4].

Первоначально экспедиция планировалась как коммерческое предприятие Российско-американской компании для снабжения Камчатки и владений на Аляске, а также закрепления российского приоритета в отдалённых владениях в Тихом океане. Из-за финансовых трудностей снаряжение было взято на баланс государства, и задачи экспедиции были сильно расширены в политическом плане: предстояло обследовать Сахалин и Курильские острова, наладить дипломатические отношения с Японией и открыть рынок Китая для торговли русскими мехами. На Гавайских островах суда разделились: «Надежда» направилась на Камчатку и в Японию, «Нева» – на остров Кадьяк. Посольство в Японию возглавил граф Н. П. Резанов – камергер его величества, зять и наследник владельца Российско-американской торговой компании Григория Шелехова, руководитель первой российской кругосветной экспедиции [8].

Всё время пребывания на Камчатке и первые 10 дней пути в Японию был непрерывный мелкий дождь и туман, который перешёл 11 сентября в сильный шторм. Усилилась течь корпуса «Надежды», а также пришлось забить четверых быков, взятых на Камчатке, потому что они могли не перенести качки [2]. Первый ясный день был только 24 сентября, Японию увидели 28-го числа. Приблизиться в тот день не удалось, поскольку разыгрался сильнейший ураган, а навигация, проведённая Крузенштерном и Горнером, показала, что имеющиеся карты, даже Эрроусмита, крайне ненадёжны. 3 октября шлюп достиг побережья Сацумы. Далее экспедиция двинулась Ван-Дименовым проливом, который впервые точно описала. К входу в залив Нагасаки «Надежда» подошла в половине шестого вечера 8 октября [там же]. У Резанова имелся открытый лист Батавской республики и предписание лично представителю Ост-Индской компании в Нагасаки Хендрику Дуфу об оказании содействия [5].

Для российских властей восточное направление во внешней политике не было приоритетным. В инструкции Резанову был дан приказ «сообразовываться с японскими обычаями и не ставить сего себе в унижение». Грамота императора Александра I была подписана для «императора японского», под которым подразуме-

вался сёгун [3]. Предыдущему посольству Адама Лаксмана японскими властями было выдано разрешение на приход одного корабля в нагасакскую гавань, причём текст этого документа сохранился только в дневнике лейтенанта Ермолая Ермолаевича Левенштерна, участника кругосветного плавания под руководством И. Ф. Крузенштерна на корабле «Надежда». Резанову в этих условиях предписывалось добиться заключения торгового договора и открыть торговлю либо в Нагасаки, либо на Хоккайдо. Чтобы расположить японскую сторону, было решено вернуть на родину японцев, потерпевших в 1794 г. кораблекрушение у Алеутских островов.

Резанов вёз 50 ящичков подарков для японских властей, надеясь заинтересовать ими как объектами будущей торговли [6]. Преобладали изделия из стекла и хрусталя: люстры, жирандоли, 15 хрустальных и мраморных столешниц разных цветов, 71 крупное зеркало и 25 зеркал поменьше, 6 фарфоровых сервизов с золотом Императорского завода, вазы из слоновой кости, меховые изделия. Левенштерн потом писал в дневнике, что Резанов и Фоссе намеревались продать непринятые подарки, поскольку это «настоящая дрянь»; лейтенант также отметил, что хотя лисьи меха высоко ценятся в России, в Японии это – нечистое животное. Единственное, что вызвало неподдельный интерес японской стороны, – полученные из Эрмитажа часы английской работы в виде слона, который был способен поворачивать хобот и уши, и фонари-калейдоскопы работы Кулибина [5].

Для переговоров с берега прислали переводчиков низшего ранга, которые потребовали соблюдения такого же церемониала, какой выполняют и голландцы. Споры о том, кому и сколько раз кланяться, зафиксированы и Крузенштерном, и Резановым, и купцом Шемелиным, а Левенштерн зарисовал японских чиновников, разъясняющих виды поклонов. Японцы не понимали причин возмущения русских, считая, что они должны подчиняться принятым правилам и уподобиться голландцам [там же]. «Надежда» была истрёпана штормами и нуждалась в ремонте. Пришлось согласиться с разрушением шлюпа (сняли даже реи и стеньги) и сдачей всего запаса пороха в японский арсенал; забрали все пушки и несколько якорей. Только после большого торга офицерам оставили шпаги, а почётному караулу – ружья. Резанов проповедовал экипажу самоуничижение перед японскими властями, но сам, отвечая на вопросы японской стороны, держался заносчиво и

вызвал много подозрений. В итоге на внутренний рейд Нагасаки шлюп был переведён только 9 ноября – через месяц после прибытия. Из-за крайней несдержанности посла, лишь 17 декабря команда была допущена на берег. Резанову предоставили дом и склады в селении Мегасаки (на улице Умэгасаки), а шлюп был поставлен на ремонт в Кибати. Дом посла был окружён бамбуковой оградой и более напоминал место заключения. Резанов после года путешествия в экстремальных условиях, когда его властные полномочия постоянно оспаривались, не имел сил и желания соответствовать японским, да и европейским понятиям о дипломатическом представительстве: постоянно бранил свою свиту, ругался с переводчиками, причём каждый его шаг фиксировался и докладывался вышестоящим властям [там же].

Ещё более стеснённым было положение моряков «Надежды». На сушу их пускали лишь на площадку в «сто на сорок шагов», ограниченную забором, и под охраной. На площадке имелось три дерева, земля была засыпана песком, в небольшой беседке можно было укрыться от дождя; более всего это напоминало прогулку заключённых. Тем не менее, Левенштерн утверждал, что японцы не смогли понять, что можно проводить триангуляцию и съёмки с борта корабля, и за краткое время офицеры сделали больше, чем голландцы за 300 лет [1].

Несмотря на то, что Резанов овладел основами японского языка, он не понимал, что окружавшие его японцы – специалисты-*рангакуся*, то есть профессиональные голландоведы, опытные, разносторонние специалисты. Ратманов именовал их «разумными бестиями» [5]. Самым именитым из японских учёных, прикрепленных к посольству, был Оцуки Гэнтаку, который впоследствии написал книгу об офицерах и исследователях «Надежды», основываясь на беседах с ними, а также японцами, возвращёнными из России на родину [там же].

Непродуманные действия посла сильно осложняли ход переговоров: например, Резанов попытался симулировать болезнь, шантажируя губернатора гневом русского государя, и даже потребовал японских докторов, хотя в его свите были Тилезиус и Лангсдорф – обладатели докторских степеней по медицине и огромного практического опыта. Визит японских медиков состоялся 10 февраля 1805 г. и привёл лишь к тому, что никаких серьёзных хворей обнаружено не было; на следующий день посол заявил, что хотел этим актом продемонстрировать

японской стороне своё доверие. Наконец, 4 и 5 апреля 1805 г. Резанов получил аудиенцию обоих губернаторов Нагасаки. Визит «Надежды» пришёлся на смену власти, и по случаю иностранного посольства полномочия отправляли оба – Нарусэ Масасада и Хида Ёрицунэ, а также уполномоченного из Эдо Тояма Кин-сиро. Посла приняли холодно – несмотря на проливной дождь, в паланкин посадили только самого Резанова, – и объявили полный отказ в заключении торговых отношений. 7 апреля была дана прощальная аудиенция, на которой было высказано пожелание покинуть Японию как можно скорее [там же]. В письме губернатора Нагасаки об этом говорилось без каких-либо дипломатических изысков: «Дров, воды и провизии велено мною вам дать. При японских берегах на якоре не оставайтесь, а отправляйтесь скорее от берегов наших» [2, 5].

Русские дары приняты не были, однако японская сторона не взяла платы за материалы для ремонта корабля – доски, брусья и 500 медных листов – и продовольствие для экипажа и свиты посла. На судно направили по указу сёгуна 340 пудов (5 569 кг. – *И. К.*) риса, 1 450 пудов соли (23,7 т – *И. К.*) и 25 ящиков шёлковой ваты. Поставили и провиант для возвращения на Камчатку: 150 пудов сухарей (2 457 кг – *И. К.*), 3 бочонка муки, 15 бочонков сакэ, солёную рыбу, 28 пудов солёной свинины и живой скот [5]. За десять дней при 16-часовом рабочем дне удалось водворить в трюмы боеприпасы и всё снаряжение [2]. Левенштерн обвинял Резанова в том, что японские подарки – рис, соль и шёлк – он объявил собственностью Российско-американской компании (РАК) и планировал продать их на Камчатке или на Кадыяке. В конце концов, офицеры свою долю соли пожертвовали матросам, а затем по распоряжению Крузенштерна соль и 75 пудов риса (1 228 кг. – *И. К.*) были безвозмездно отданы нуждающимся жителям Камчатки [5].

Японцы продержали посольство в порту полгода, после, наконец-то, дали ответ, что устанавливать отношения не желают. После этого началась странная и запутанная история под названием «Рейд лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на японские острова». Резанов, вельможа крайне честолюбивый, почувствовал себя оскорбленным действиями японцев и решил им отомстить.

В конце мая 1805 г. Н. П. Резанов на «Надежде» прибывает в Петропавловский порт. Там происходит его первая встреча с лейтенантом Хвостовым и мичманом Давыдовым, которые, по

поручению Российско-американской компании, готовились доставить в Америку продовольствие. Он решает отправиться вместе с офицерами. Перед отплытием, 9 июня 1805 г., Н. П. Резанов отправляет императору отчет, в котором в очередной раз объясняет необходимость скорейшего занятия острова Сахалин, чтобы этого не сделали другие европейские державы.

14 июня 1805 г. Н. П. Резанов вместе с Хвостовым и Давыдовым на судне «Мария» отправился из Петропавловского порта в Америку. Именно тогда началась детальная разработка плана экспедиции. 26 августа 1805 г. они прибыли на Ситку, откуда на следующий день, 27 августа, Н. П. Резанов сообщил Александру Андреевичу Баранову (1746–1819) о своем решении отправиться в экспедицию и о необходимости в двух, «по военному образу вооруженных», суднах. 29 августа 1805 г., так и не получив сведений из столицы, Н. П. Резанов пишет свое первое обращение к лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову: «...Пользуясь столь щастливою встречей нескольких умов к единой цели стремящихся решился я на будущей год произвести Экспедицию, которая может быть проложит путь новой торговле, даст необходимые силы краю сему и отвратить его недостатки...» [1].

Хвостов – личность примечательная. Мореплаватель и кругосветник В. М. Головнин хорошо знал его – они вместе учились в Морском корпусе, и в будущем Головнин очень пострадает от последствий действий Хвостова. Летом 1805 г. Резанов в письме Александру I и графу Н. П. Румянцеву характеризовал лейтенанта как «офицера, исполненного огня, усердия, искусства и примерной неустрашимости». Однако уже в сентябре 1805 г. характеристика была несколько иной. Резанов был шокирован поведением Хвостова. Ему открылось пьянство и буйный нрав офицера: «...на одну свою персону, как из счета о заборе его увидите, выпил 9,5 ведер французской водки и 2,5 ведра крепкого спирта, кроме отпусков другим и, словом, спойл с кругу корабельных подмастерьев, штурманов и офицеров <...> пьянство нимало не прекращается, ругательства и угрозы весьма невероятные, стреляют ночью из пушек, на верфи за пьянством корабельных подмастерьев работы идут медленно, матросы пьют <...>. Давыдов объявил мне, что сделает с Хвостовым последнюю компанию, он более служить с ним не хочет...» [12].

Резанов предписывает морским офицерам участвовать в строительстве двух военных судов: брига и тендера, и просит их «как друзей

<...> готовых жертвовать собою на пользу общую <...> быть готовыми к принятию начальства над судами предполагаемыми, разделя их по старшинству» [13]. Он не распространяется по поводу плана экспедиции, отмечая лишь, что «в свое время получите от меня полное наставление», и что планирует закончить строительство судов к апрелю, а в мае уже встать под паруса и отправиться в путь. Очевидно, что четкого плана на данном этапе у него еще не было [там же].

Тем не менее в сентябре 1806 г. Резанов вручает Хвостову секретные инструкции, которые предписывали тому совместно с Давыдовым предпринять плавание к южному Сахалину, а также к островам Уруп и Симушир.

Русские моряки должны были посетить залив Анива на Сахалине, истребить находящиеся там японские суда и захватить в плен годных к работе японцев. Неспособным же к труду японцам следовало разрешить перебраться в княжество Мацумаэ, «сказав, чтоб никогда они Сахалина как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга» [12].

В случае высадки на берег русские моряки должны были «обласкать» сахалинских айнов, одарить их сукнами, платьем и другими вещами, а айнским старшинам вручить медали. Японские магазины было приказано сжечь, взяв оттуда предварительно все товары. В Охотске Резанова начинают обуревать еще большие сомнения относительно затеянной им экспедиции. 24 сентября 1806 г. в начале своего пути из Охотска в Санкт-Петербург он направляет Хвостову дополнение к инструкциям, в соответствии с которыми тот должен был ограничиться только разведкой положения дел в японской колонии на Сахалине. Отмену военных действий против японцев Резанов мотивировал тем, что время для похода в залив Анива упущено: рыбная путина на юге Сахалина должна была уже закончиться, и японцы могли перебраться на зимовку на Хоккайдо, и, таким образом, эффекта от вояжа русских судов на Сахалин может и не быть. Хвостов поспешил к Резанову за разъяснением, но тот уже оставил Охотск и направился в Петербург. По дороге Резанов заболел и 1 марта 1807 г. умер в Красноярске. Таким образом, истинный смысл его приказов остался неясным. В итоге Хвостов проигнорировал расплывчатое дополнение к инструкциям, и 6 октября 1806 г. бриг «Юнона» под его командованием появился в заливе Анива на Сахалине.

Японская фактория в заливе Анива была основана в период Кансэй (1789–1801), японцы

находились в фактории только три-четыре месяца. 7 октября русские высадились на берег и посетили селение айну, 8 октября Хвостов одарил островитян подарками и объявил им, что Сахалин и жители острова находятся под покровительством императора России. В знак чего старшине селения была выдана серебряная медаль на Владимирской ленте и специальная грамота. Русские и айну общались с помощью жестов, поэтому сомнительно, что островитяне поняли всю процедуру награждения и посвящения их в российское подданство. Айну, у которых не было своего государства, не имели даже самого понятия о каком-то подданстве [6].

11 октября, захватив в плен четверых японцев, русские моряки полностью разорили японскую факторию в Кусюнкотан (современный г. Корсаков). Со склада фактории было изъято 600 мешков риса, большое количество сакэ и других товаров. Все постройки, храм, рыболовные сети и лодки японцев были сожжены.

В мае 1807 г. «Юнона» и «Авось» появились у берегов Итурупа. 18 мая после обстрела побережья из пушек русские высадили десант в бухте Найбо и сожгли находившийся здесь небольшой японский сторожевой пост. В Найбо было захвачено в плен пять японцев, 20 мешков риса, весь провиант был перегружен на корабли. 20 мая русские корабли совершили нападение на японскую факторию в Сяна (в настоящее время г. Курильск). Сравнительно многочисленный – около 300 человек – гарнизон Сяна был легко разгромлен, а сама фактория полностью разграблена и разрушена [12]. Посетив Уруп, оба судна 10 июня вошли в залив Анива. Предав огню оставшиеся там японские строения, Хвостов и Давыдов двинулись в направлении Хоккайдо. В конце июня у северо-западной оконечности Хоккайдо «Юнона» и «Авось» сожгли четыре японских судна и уничтожили сторожевой пост на острове Рисири. Бывший на судах груз был захвачен. У Рисири Хвостов отпустил восемь из десяти пленных японцев для того, чтобы через них передать японским властям свои требования [10].

Ультиматум Хвостова гласил:

«Соседство России с Япониею заставило желать дружеских связей к истинному благополучию сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нагасаки; но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владения Российской империи, принудило сию державу употребить наконец другие меры, кои покажут, что россияне всегда мо-

гут чинить вред японской торговле до тех пор, как не будут извещены чрез жителей Урупа или Сахалина о желании торговли с нами. Россияне, причинив ныне столь малый вред японской империи, хотели им показать только чрез то, что северные страны оной всегда могут быть вредимы от них, и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишить его сих земель» [12].

Совершив разбойные нападения на японцев и нагрузившись награбленным, «Юнона» и «Авось» 16 июля 1807 г. вернулись в Охотск. Однако здесь действия Хвостова и Давыдова были расценены как государственное преступление, «русские пираты» были арестованы и отправлены под конвоем в Санкт-Петербург. Адмиралтейств-коллегия грозила предать их суду, однако вместо этого они были отправлены в Финляндию. Там как раз шла очередная война против шведов. Хвостов и Давыдов, командуя вверенными им кораблями, проявили чудеса храбрости, достойные орденов. Однако на представлении о награждении Александр I собственноручно написал: «Неполучение награждения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своевольство против японцев». Впрочем, лишение орденов было единственным наказанием (не считая кратковременного ареста в Охотске), которые два офицера понесли за свои действия. «Буйные головушки» Николай Хвостов и Гавриил Давыдов вместе закончили свой земной путь и, учитывая их характер, сделали это вполне «логично». Вечер 4 октября 1809 г. они провели у известного исследователя, академика Лангсдорфа. Возвращаясь в два часа ночи домой и увидев, что Исаакиевский мост разведен, изрядно пьяные офицеры решили перебраться на другой берег с помощью проходившей по Неве барки, но не рассчитали, упали в воду и утонули.

В Японии тем временем готовились к нападению «страшного врага с севера». Известия о рейде Хвостова и Давыдова быстро распространились по всей стране, из многих мест приходили сообщения о появлении у японских берегов новых русских кораблей. Все они были ложными, однако напряжение не спадало. Этому немало поспособствовали голландцы, которые, переводя ультиматум Хвостова, весьма вольно трактовали его чин: слово «lieutenant» имеет во французском языке также значение «наместник». Заявления российского правительства, что Хвостов и Давыдов действовали самовольно и будут за это преданы суду, обстановку не разрядили.

Нападения русских на японские фактории заставили бакуфу (военное правительство. – Ред.) серьезно задуматься над проблемой безопасности северных районов страны. 12 марта, сразу после получения из княжества Мацумаэ сообщения о нападении русских на Сахалин, бакуфу берет Сахалин и западное побережье Хоккайдо под свое управление. Губернаторское управление Хакодате в то время не могло самостоятельно оборонять Хоккайдо, так как правительственных войск, находящихся в его распоряжении, было недостаточно. Для обороны острова по приказу бакуфу в Хакодате были срочно направлены войска княжеств Цугару, Намбу, Акита и Сакаи. Приказ мобилизовать войска был получен также в княжестве Датэ. Кроме того, усилить оборону побережья было предписано трем приморским княжествам – Муцу, Дэва и Итигоя. Через несколько месяцев после нападения русских на Сахалин и Итуруп губернаторская администрация переехала из Хакодате в Мацумаэ в целях безопасности. Согласно дневнику губернатора Хакодате Тогава Тикудзэнноками, в порт города прибыло около 2,5–2,6 тыс. самураев названных княжеств, чтобы организовать оборону. Для охраны побережья на Хоккайдо было создано свыше 80 военных лагерей. Японский чиновник так характеризует ситуацию на острове: «В факториях раздается паек, везде можно видеть спешащих, готовых к бою самураев. Наши наблюдатели не спят уже третьи сутки. Если враг нападет, все как один готовы сражаться до конца. Воистину, это небывалое событие в наше мирное и благополучное время» [9].

25 мая 1807 г. «тэцукэдэяку» (чиновник-помощник, обычно посылаемый в командировки. – И. К.) 3-го губернаторского управления Хакодате Амада Рокусабуру написал в донесении о появлении двух русских кораблей. Из сообщения японского чиновника видно, что японцы готовились защищать Хакодате до конца. Перед правительством Японии стоял выбор: принять требования русских и установить с ними отношения, или же укрепить обороноспособность страны и защитить свою территорию. Японский историк Сибамура Эго пишет о том, что бакуфу, напуганное действиями Хвостова и Давыдова, всерьез рассматривало возможность установления торговых отношений с Россией вместо Китая, так как торговля с последним в начале XIX в. практически не велась. Для морских коммуникаций и северных районов Японии, по мнению чиновников бакуфу, существовала

реальная угроза со стороны России. Но после длительных дискуссий японское правительство пришло к выводу, что открытие торговли с Россией создаст прецедент для других стран и, в конце концов, приведет к «открытию» страны и дестабилизации внутренней ситуации. Поэтому было принято решение укрепить обороноспособность страны, чтобы дать достойный ответ в случае повторных нападений со стороны русских [там же].

Подготовленный бакуфу ответ на ультиматум Хвостова так и не был передан русской стороне в связи с арестом Хвостова и Давыдова в Охотске. В своем ответе японское правительство заявляло: «...Мы не можем вести торговые отношения с таким государством, которое говорит подобные грубые и неприличные вещи. Если из вашей страны будет прислано много судов, то мы со своей стороны укрепим свою оборону и будем вести с вами войну. Если торговля представляется желательным делом, то необходимо раньше вполне исправить то, что уже сделано, и в доказательство того, что не имеется злостных намерений, возратить всех захваченных в плен японцев. Только после этого вы можете говорить о торговле» [там же].

Совет старейшин поручил губернаторам Мацумаэ Кавадзири Хигоноками и Арао Тадзиманоками сформировать основные принципы политики в отношении России. В феврале 1808 г. губернаторы Мацумаэ направляют в Эдо проект ответных мер в отношении России: «Необходимо уничтожать любые русские корабли, появляющиеся у берегов Японии, но при этом следует проявлять миролюбие и стремиться к установлению мирных добрососедских отношений. Тем не менее, садясь за стол переговоров с русскими, необходимо готовиться к войне. Ситуация – сложная, и ее трудно прогнозировать. Ясно одно – мир с Россией будет не долговечен» [11]. Японское правительство проводит ряд срочных мер по укреплению побережья Хоккайдо и усиливает военное присутствие на Итурупу и Кунашире. Уже в 1808 г. на островах было расквартировано более тысячи воинов [12].

11 июля 1811 г. японским гарнизоном Кунашира были захвачены в плен русский мореплаватель В. М. Головнин и его спутники. Русские моряки смогли на себе испытать новое отношение японцев к русским. В ответ на уверения В. М. Головнина в непричастности российского правительства к действиям Хвостова и Давыдова, японский чиновник ответил: «...русские суда два раза нападали на японские селения, и

все, что в них нашли, то увезли с собою или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов...». Далее Головнин справедливо замечает, что он провел в японском плену более двух лет, с 1811 по 1813 г., и был освобожден только после получения японцами от российских властей заверений в том, что рейды Хвостова и Давыдова на Сахалин и Итуруп носили несанкционированный характер.

После нападения русских на японские фактории, в Японии получают распространение равные по значению выражения «русская угроза», «русские пираты». До этого к русским относились точно так же, как и к другим иностранцам. Нападение русских кораблей заставило японское общество по-новому посмотреть на северного соседа и проблему дальнейших взаимоотношений с Россией. Один из участников миссии Ивакура в Европу и Америку (1873 г.) – Кумэ Кунитакэ во время пребывания в России написал в дневнике миссии, что действия Хвостова и Давыдова положили начало формированию идеологии «изгнания варваров» (иностранцев) [11]. По мнению Кумэ, нападения русских моряков на японские фактории оказали влияние на историческое развитие Японии, заставив японцев осознать, что дальнейшее бездействие может привести к их порабощению огромной соседней страной. В Японии сложилось устойчивое мнение, что России следует опасаться. Во-первых, потому, что Россия – самое большое государство в Европе и Азии. Во-вторых, потому что Россия постоянно проводит внешнюю экспансию и увеличивает свои огромные территории. В-третьих, потому, что огромная Россия, продолжая свою экспансию на Восток, через некоторое время выйдет к границам Японии. Память о нападениях русских моряков на японские фактории почти два века тому назад сохраняется в Японии и в наши дни [там же].

Японский историк Фудзимото Вакио считает, что рейды русских кораблей заставили японское правительство осознать необходимость серьезного изучения России и приступить к активному изучению Севера. По мнению ученого, нападения русских моряков держали в страхе японское общество вплоть до реставрации Мэйдзи [там же].

Действия Хвостова и Давыдова породили в японском обществе своеобразный «русский комплекс»: среди правящей элиты Японии сформировалось устойчивое мнение, что Россия всегда будет угрожать безопасности Япо-

нии. Концепция постоянной готовности к войне легла в основу дальнейшей политики Японии в отношении России. Организованная Резановым авантюра не только не достигла своей цели, но возымела нежелательный для России результат: Япония не только осталась, но и укрепила

свои позиции на Сахалине и Курильских островах, первый русско-японский торговый договор был заключен только полвека спустя, а отношения между двумя странами с самого начала были омрачены, что стало отправной точкой для многих, последующих за этим, событий [12].

1. Вокруг света с Крузенштерном : альбом / сост.: А. В. Крузенштерн, О. М. Федорова. СПб. : Крига, 2005. 288 с.
2. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М. : Дрофа, 2007. 589 с.
3. *Лещенко Н. Ф.* Посольства Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятина (1852–1855) в Японию // Восточный архив. 2009. № 1. С. 34–45.
4. Первые русские кругосветные плавания // *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1985. Т. 4 : Географические открытия и исследования нового времени (XIX – начало XX в.). С. 15–19.
5. *Ратманов М. И.* Первая русская кругосветная экспедиция (1803–1806) в дневниках Макара Ратманова. СПб. : Крига, 2015. 568 с.
6. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799–1815 : сб. док. / сост.: А. Е. Иоффе, Л. И. Спиридонова. М. : Наука, 1994. Т. 3 : Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. 278 с.
7. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках : сб. ст. / авт. предисл. и ред. А. И. Андреев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. 224 с.
8. *Савицкая Е.* «Ничего, кроме признательности потомства, не желаю» // Красноярский материк. Времена. Люди. Документы. Красноярск, 1998. С. 475–476.
9. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения. 1697–1875. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 316 с.
10. *Федорова Т. С.* Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя : сб. ст. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. 312 с.
11. *Фудзимото Вакио.* Формирование образа России и СССР в Японии на основе личного опыта // Исследователи языка и культуры. Осака. 2002. № 28. С. 35–50.
12. URL: <https://yaznanie.ru/a/aGMq0Rn9>.
13. URL: <https://drevlit.ru/docs/japan/XIX/1800-1820/Chvostov/text1.php>